

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Н. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ЮНЬ. 1870 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глинки 1804-1854 гг. части I и II.	313
II. Военный бытъ въ Великомъ Новгороде XI—XV ст. Исслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, рескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Маріи Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генералъ-фельдмаршала кн. М. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, рассказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записка придв. брѣвлящика Позье 1729-1764 гг. и пис. Пискара 1781 г.	128	XIV. Русскіе писатели XVIII-го вѣка: Олешевъ и Дмитріевъ—Мамоновъ, исслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпа о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786-1789 гг.	152	XV. Русскіе писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Н. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, П. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзайнова, А. П. Степанова, сенатора М. Д. Дамилова, Н. А. Титова, А. П. Моръ, генер. М. Г. Сигунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морозиницк. († 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петроп. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ . 1-20	
VIII. Буить военныхъ посланій, рассказы очевидцевъ: о. I. Парова и П. М. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Прусскихъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контръ-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Сѣряжковскимъ. Въ статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., испол. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головина,

1870.

Юня 6-го 1812 г. государь императоръ удостоилъ у меня
обѣдать въ г. Трояхъ.

9-го февраля 1813 г. получилъ орденъ 2-го класса Георгія,
въ Конинѣ, за храбрость во всѣхъ дѣлахъ.

10-го прибылъ въ корпусу гренадеровъ.

13-го повелѣно производить столовые серебромъ.

15-го выпросилъ 4000 руб. Дамасу.

По рекомендаціи моей вышло отличіе полкамъ, бывшимъ у
меня въ дѣлахъ:

Гвардіи { Измайловскому } Георгіевскія знамена.
          { Литовскому }

Гренадерскимъ: Лейбъ
                          Павловскому } Георгіевскія знамена.
                          Араччеева }

Всей третьей дивизіи, бывшей прежде моей, гренадерскій
походъ и
Черниговскому полку } Георгіевскія знамена.

Сообщ. графиня М. Н. Коковлицына.

РАСКАЗЫ АДМИРАЛА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА КОЛЗАКОВА.

(1779 + 1864).

I.

Взятіе въ плѣтъ маршала Вахдамаха.

18-го августа 1813 г.

Подъ приведеннымъ общимъ названіемъ «Разказовъ» редакція
«Русской Старины» надѣется помѣстить цѣлый рядъ интересныхъ
эпизодовъ изъ боевой жизни недавно скончавшагося (1864 г.) адми-
рала Павла Андреевича Колзакова. Павелъ Андреевичъ любилъ
вспоминать и разказывать о событіяхъ изъ его многолѣтней жизни,
причемъ передавалъ ихъ въ кругу друзей весьма весело, увлека-
тельно и во всѣхъ передаваемыхъ имъ подробностяхъ являлъ свѣт-

люю, отчетливую память. Сынъ покойнаго, генераль Константинъ Павловичъ Колзаковъ тщательно записалъ наиболѣе любопытныя бесѣды своего родителя и съ помощью дневниковъ, веденныхъ Павломъ Андреевичемъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и массы оставшихся послѣ него документовъ, привелъ все записанное имъ въ порядокъ. Весь этотъ матеріалъ, во всѣхъ отношеніяхъ интересный для исторіи минувшихъ четырехъ царствованій, Константинъ Павловичъ Колзаковъ весьма обязательно предложилъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины», которая будетъ помѣщать ихъ, время отъ времени, на страницахъ своего изданія.

Въ настоящей книгѣ мы помѣщаемъ одинъ изъ эпизодовъ въ жизни П. А. Колзакова: взятіе имъ въ плѣнъ маршала Вандамма въ столь славномъ для русскаго воинства бою подъ Кульмомъ. Но прежде нежели привести этотъ рассказъ, изложимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, главнѣйшіе факты служебной карьеры покойнаго адмирала.

Павель Андреевичъ Колзаковъ род. въ Тулѣ въ 1779 г.; воспитывался онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Службу началъ въ 1794 году гардемариномъ, а въ 1795 г. произведенъ въ мичмана. Въ 1797 г. командированъ въ Архангельскъ на строящійся корабль «Азія», на которомъ и былъ при блокадѣ Текселя и потомъ при блокадѣ Мальты, взятіи Неаполя и занятіи Ионическихъ острововъ. Въ 1809 г. Колзаковъ отличился въ Финляндской кампаніи въ сраженіи при Куопіо противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, будучи командиромъ отдѣльнаго отряда канонирскихъ лодокъ. Въ 1810 г. Павель Андреевичъ былъ назначенъ во вновь сформировавшійся гвардейскій экипажъ ротнымъ командиромъ и вскорѣ взятъ на императорскую яхту. Въ 1811 г. Колзаковъ назначенъ командиромъ яхты его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Въ началѣ 1812 г. онъ назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу и при немъ дѣлалъ всѣ походы и участвовалъ въ разныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 гг., послѣ чего оставался при Константинѣ Павловичѣ до самой его кончины. Въ 1831 г., назначенъ генераль-адъютантомъ къ государю, а вскорѣ затѣмъ и дежурнымъ генераломъ главнаго морского штаба, въ чинѣ вице-адмирала. Въ 1843 г. Колзаковъ произведенъ въ адмиралы и скончался въ Петербургѣ въ 1864 г. восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Ред.

Дрезденское сраженіе доказало союзникамъ ту неоспоримую истину, что, когда нѣтъ единства въ начальствѣ, то успѣха ожидать нельзя. Князь Шварценбергъ, начальствовавшій соединенными арміями союзниковъ, находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Три союзные монарха были при арміи и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ довѣренныхъ лицъ, искавшихъ случая выказаться въ глазахъ своихъ вѣнценосныхъ покровителей — и, такимъ образомъ, парализировали дѣйствія

главнокомандующаго. Соперничество національностей,—различіе идей и личное самолюбіе порождали интриги и непрерывныя столкновенія между ними. Упускалось много времени въ напрасныхъ спорахъ и когда подходила наконецъ рѣшительная минута дѣйствія, оказывалось, что прежде задуманный планъ уже не годился нигуда вслѣдствіе новыхъ возникшихъ случайностей.

Тоже самое случилось и передъ Дрезденскимъ сраженіемъ. Союзники могли бы занять этотъ городъ почти безъ выстрѣла, имѣвъ сосредоточенную 200,000-ную армію въ окрестностяхъ Дрездена, тогда какъ въ самомъ городѣ стоялъ только одинъ немногочисленный корпусъ Сень-Сира едва въ 14,000 человекъ; но пока у союзниковъ велись переговоры, Наполеонъ уже успѣлъ вступить въ столицу со 100,000-ю арміею на подрѣшленіе осажденнаго гарнизона, и сраженіе не могло уже имѣть того успѣха.—Хотя дрезденское дѣло и нельзя считать пораженіемъ, какъ о томъ гласили тогда всѣ французскіе бюллетени, оно было только неудачною аттакою, но со всѣмъ тѣмъ оно имѣло совершенно видъ пораженія потому, что войска союзниковъ должны были отступить, и отступление это въ бурную осеннюю ночь, со множествомъ раненыхъ, по размокшимъ отъ дождя дорогамъ и въ ужасномъ безпорядкѣ, производило весьма печальное дѣйствіе. Уныніе распространилось въ войскѣ; утрачено было довѣріе въ начальствующимъ лицамъ, всѣ чувствовали какое-то ожесточеніе, соперничество національностей заговорило громче, русскіе бранили нѣмцевъ, взваливали на нихъ всю вину, однимъ словомъ, упадокъ духа и безпорядокъ дошли до-нельзя. Положеніе было весьма критическое. Императоръ Александръ понялъ, что надо было рѣшиться на что-нибудь отважное, смѣлое, дабы поднять духъ войска, однимъ словомъ, расплатиться долгомъ съ непріателемъ, взять реванжъ, какъ говорятъ французы (*une éclatante revanche*) и съ этою цѣлью принялъ онъ на себя званіе главнокомандующаго всѣми союзными арміями и сталъ дѣйствовать самостоятельно.

Войскамъ приказано было отступить на югъ, дабы преградить французамъ путь въ Богемію, куда стремился Наполеонъ.

Тремя колоннами шла наша армія на югъ, перешла горы, и послѣ славнаго дѣла при Цегиста 15 и 16 авг., въ которомъ удалось графу Остерману пробиться сквозь корпусъ генерала Ван-

дямма и стать на Теплицеую дорогу, армія наша была въ свою очередь атакована французами въ превосходномъ числѣ, 17-го августа, близъ мѣстечка Кульма, гдѣ и произошло столь славное въ нашихъ лѣтописяхъ Кульмское сраженіе, продолжавшееся полтора дня и увѣнчавшее вполне славу нашего оружія,—говорю нашего, потому что русское войско болѣе всѣхъ другихъ приняло въ немъ участіе.

Не стану рассказывать весь ходъ сраженія, изложеннаго въ подробности въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, но припомню только одинъ эпизодъ, которому былъ я очевидцемъ и въ которомъ на мою долю выпало принять непосредственное участіе.

Ночь съ 17-го на 18-е августа прекратила упорное, но еще не рѣшенное сраженіе, въ которомъ приобрѣлъ себѣ вѣчную славу графъ Остерманъ, запечатлѣвъ ее потерей руки *); — войска наши стали готовиться къ новому бою и ранняя заря 18-го августа застала ихъ въ боевомъ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги; лѣвый флангъ упирался въ горы и состоялъ вмѣстѣ съ центромъ изъ русскихъ войскъ, а австрійцы стояли на правомъ крылѣ близъ деревни Карвиць. Въ резервѣ стоялъ отрядъ подъ командою великаго князя Константина Павловича, при которомъ и я находился въ качествѣ адъютанта.

Императоръ Александръ, выѣхавъ рано по утру вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленнаго и блестящаго штаба, отправился на высокую гору Шлосбергъ, съ вершины которой открылась вся панорама Кульмской долины и окрестностей. Живописныя развалины древняго замка рисовались на вершинѣ горы. Утро было прекрасное и поднявшійся туманъ, какъ занавѣсъ въ театрѣ, раскрылъ величественную панораму окрестностей съ ихъ лѣсистыми холмами, оврагами, ручьями, разбросанными деревнями—и цѣпью высочайшихъ горъ, терявшихся въ дальней синевѣ. Посреди этой прекрасной декораціи, свѣтлою ленточкой извивалась дорога, ведущая изъ Кульма къ Теплицу, и по обѣимъ сторонамъ ея рисовались темными пятнами на блѣднозеленѣющемъ фонѣ двѣ арміи, стоящія другъ противъ друга въ недалекомъ разстояніи, ожидающія одного мановенія руки, одного знака, чтобы ринуться въ бой ожесточенный и кровавый. Зрѣлище было ис-

*) 18-го числа начальствовалъ уже Барклай-де-Толли.

тинно величественное, и минута торжественная. Послѣдовавъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ за свитою Государя, я былъ свидѣтелемъ этой минуты и никогда не изгладится она изъ памяти моей. Глядя на эту очаровательную природу, облитую золотистыми лучами восходящаго солнца—сколько различныхъ мыслей приходило мнѣ въ голову. Казалось, здѣсь-то рай долженъ быть земной. Красиво разбросанные въ долинѣ домики въ садахъ такъ уютно выглядывали изъ-за зелени. На нѣкоторыхъ поляхъ еще жатва не была убрана—все дышало свѣжестью, миромъ и жизнью—но бросивъ взглядъ на усѣянные въ полѣ войска, сердце кровью обливалось и билось, чувствуя приближеніе роковой минуты!!... и сколько тысячъ сердець дрожало въ ожиданіи ея! Но сигналъ уже поданъ — было около 6 часовъ утра, забѣлѣли вдругъ по холмамъ бѣлые клубы дыма, и спустя нѣсколько секундъ послышался гулъ все чаще и чаще повторяемый раскатами эхо въ горахъ—и началась битва. Крестьясь поскакали всѣ по своимъ мѣстамъ;—адъютанты и ординарцы разсѣялись съ приказаніями по полю и бой завиглѣлъ по всей линіи. Отдаленные крики «ура», стоны раненыхъ, командныя слова, топотъ конницы, стукъ оружія, наконецъ грохотъ ружейной и пушечной пальбы — все слилось въ одинъ общій беспорядочный и неумолкаемый гулъ. Облака дыма затмѣвали воздухъ и наполняли его пороховымъ запахомъ. Съ ожесточеніемъ бросались поля на поля, спибалась конница, налетая тучею другъ на друга, и поле покрылось трупамъ людей и лошадей. Вскорѣ тронулись и резервы наши, и храбрые воины, забывъ усталость почти трехдневнаго боя, бросались въ огонь съ новымъ энтузіазмомъ и отвагою при крикахъ «ура!» Гвардія наша дѣлала чудеса храбрости. Все смѣшалось въ рукопашный бой. Только въ 11-мъ часу показали въ тылу французовъ войска подъ командою Клейста, которыхъ Вандаммъ съ начала принялъ за ожидаемое подкрѣпленіе. Смятеніе сдѣлалось въ ихъ рядахъ всеобщее. Видя себя окруженными, французы думали только о личномъ спасеніи и стали пробиваться сквозь непріятели и до того смѣшались съ нимъ, въ тѣсныхъ дефилеяхъ горъ, что и тѣ и другіе, полагая себя побѣжденными, бросали оружіе и сдавались другъ другу. Сраженіе приняло видъ самый беспорядочный, солдаты карабкались по утесамъ, обрывались, скатывались съ нихъ, и разбрелись до того

по окрестнымъ горамъ, что даже начальники пришли въ недоумѣніе; самъ генералъ Клейстъ, видя со всѣхъ сторонъ непріятелей, полагалъ уже себя въ плѣну—и бросился въ лѣсъ искать спасенія, пока не встрѣтился случайно съ генераломъ Дибичемъ, которому первому пришлось его вывести изъ заблужденія и поздравить съ побѣдою.

Почти въ это самое время будучи посланъ уже въ четвертый разъ съ различными порученіями, возвращался я, пробираясь съ трудомъ по заваленнымъ дорогамъ въ дефилеяхъ.

Измученный конь мой, весь въ пѣнѣ, едва могъ передвигать ноги и спотыкался на всякомъ шагу; нѣсколько разъ рисковалъ я быть сброшеннымъ и потому, сойдя съ него, пошелъ пѣшкомъ, держа лошадь подъ узцы и пробирался по довольно крутой тропинкѣ. Чѣмъ ближе я подходилъ къ открытому полю, тѣмъ чаще попадались мнѣ тѣла убитыхъ и раненыхъ. Ужасно было глядѣть на этихъ несчастныхъ; стоны раненыхъ въ особенности раздирали мнѣ душу. Многіе изъ нихъ умоляли о помощи, просили воды, кричали, ругались; но крикъ ихъ и ругательства заглушались въ массѣ другихъ криковъ и въ шумѣ битвы, которая все еще не умолкала, но перенеслась уже за мѣстечко. Казаки и ординарцы скакали по полю по разнымъ направленіямъ. Легко раненые солдаты помогали переносить на носилкахъ тяжело раненыхъ. Все это двигалось, кричало, бранилось, шумѣло. Проскакали двое всадниковъ, крича: «побѣда! побѣда!» Нѣсколько солдатъ крестились, другіе прокричали «ура!» Слышу крики позади себя и топотъ лошадей. Оглядываюсь и вижу—выскакиваетъ изъ-за опушки лѣса толпа всадниковъ; вблизи раздаются нѣсколько выстрѣловъ, вглядываюсь и различаю французскіе мундиры. Я поспѣшно сѣлъ на лошадь и вынувъ неволью саблю изъ ноженъ, сталъ шпорить коня своего, дабы отстраниться отъ нападающихъ; но тщетно усиливался я понукать измученное животное. Лошадь уперлась и не трогалась съ мѣста. Толпа подскакиваетъ ближе, я вижу, что за ними скачутъ казаки въ догоню. Впереди всѣхъ неслась на тяжеломъ боевомъ конѣ тучная фигура французскаго генерала, въ разстегнутомъ на распашку мундирѣ; нѣсколько офицеровъ слѣдовали за нимъ. Два казака, бывшіе у меня въ тылу, случайно бросились ему на встрѣчу съ опущенными пиками. Слышу, хрипый голосъ кричитъ мнѣ: «gé-

négai gusse, sauvez moi!) Конь мой, завидя скачущихъ, инстинктивно пустился вслѣдъ за казаками. Я закричалъ: «стой, казаки, стой! не коли!» и едва успѣлъ спарировать ударъ пика, какъ уже французы были окружены со всѣхъ сторонъ и сдались намъ въ плѣнъ.

Французскій генералъ остановился и сталъ слѣзать съ лошади. Толстое лицо его было красно отъ волненія, потъ градомъ лилъ, вмѣстѣ съ грязью, по щекамъ его. Мундиръ на немъ былъ весь въ пыли. Вздохнувъ нѣсколько разъ тяжело, онъ обратился ко мнѣ и, принимая меня все еще за генерала, вѣроятно по моей флотской шляпѣ, — съ театральнымъ жестомъ подаль мнѣ свою шпагу, сказавъ: «*Je vous rends, général, mon épee qui m'a servi pendant de longues années pour la gloire de mon pays*». Но я отказался принять его шпагу, сказавъ, что онъ лично отдастъ ее государю нашему, къ которому его отведутъ, и спросивъ его фамилію, узналъ, что это былъ самъ главнокомандующій Вандаммъ. Онъ казался пьянъ, потому что насилу держался на ногахъ и просилъ нѣсколько минутъ отдохновенія, не будучи въ состояніи продолжать путь. Нѣсколько офицеровъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ, сошли съ лошадей и окружили его. Онъ сталъ всѣмъ имъ пожимать руки, приговаривая: «*Mes braves amis! on n'est pas toujours heureux*», и освѣдомился потомъ съ участіемъ о двухъ другихъ, вѣроятно раненыхъ и упавшихъ на дорогѣ. Я успокоилъ его, сказавъ, что они будутъ прибраны и отведены тотчасъ на перевязочный пунктъ. Завидѣвъ издали взводъ конногвардейцевъ, скачущихъ по полю, я послалъ казака къ нимъ на встрѣчу, съ приказаніемъ имъ приблизиться и конвоировать плѣнныхъ. Подскакали конногвардейцы, подъ командою ротмистра Сталя *). Я передалъ ему Вандамма со свитою, велѣвъ вести его къ государю, а самъ, пересѣвъ на казацкую лошадь, помчался впередъ, дабы извѣстить его величество о взятіи въ плѣнъ французскаго главнокомандующаго. Разстояніе было довольно велико—и прошло нѣкоторое время, пока мнѣ наконецъ указали новое мѣсто нахождения императора Александра Павловича. Увидавъ его издали на вершинѣ горы, стоявшаго во главѣ своей свиты, я подска-

*) Впослѣдствіи комендантъ въ Москвѣ.

калъ прямо къ нему и громкимъ голосомъ возвѣстилъ о взятіи въ плѣнъ главнокомандующаго непріятельской арміи Вандамма. Стоявшій возлѣ государя нашего императоръ австрійскій, снявъ шляпу, закричалъ: «Vivat!» и вслѣдъ затѣмъ подѣхалъ ко мнѣ великій князь Константинъ Павловичъ и, спросивъ: «гдѣ Вандаммъ?», приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на встрѣчу. «Шпоры, сударь, шпоры», кричалъ мнѣ великій князь, понуждая меня нетерпѣливо къ скорѣйшей ѣздѣ. Болѣе получаса времени скакали мы по доламъ и холмамъ, отыскивая дорогу, съ которой въ-торопяхъ я совершенно сбился. Нетерпѣніе великаго князя доходило до-нелзя. «Болзаковъ, хочешь ли ты мнѣ дать Вандамма?» повторялъ онъ непрестанно съ возрастающимъ гнѣвомъ. «Вы шутите что ли надо мною?» Но напрасно спрашивалъ я у проходящихъ, не видали ли они плѣннаго французскаго генерала, — никто не отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно: наконецъ, выѣхавъ на какое-то возвышеніе, замѣтили мы издали шагомъ ѣдущій конвой и понеслись къ нему на встрѣчу. Вандаммъ, отдавая свою шпагу великому князю, принялъ его, вѣроятно, за государя, причемъ сказалъ ему «Sire» и повторилъ прежнюю фразу. Великій князь назвалъ его и не принялъ шпаги, сказавъ, что онъ ее лично передастъ императору Александру. Когда подѣхали мы съ плѣнными къ царю, Вандамма стащили съ лошади, съ которой онъ съ трудомъ слѣзалъ. Тяжело вздохнувъ, маршалъ бросился сначала къ своему коню, и обнявъ его шею, сталъ цѣловать его; потомъ медленно переступая, подошелъ къ государю, стоявшему впереди всѣхъ, и съ тѣмъ же театральнымъ движеніемъ повторилъ въ третій разъ свою фразу. Государь отвѣтилъ ему: «général, j'en suis bien fâché, mais c'est le sort de la guerre!» Затѣмъ вликнулъ кн. Волконскаго и отдалъ ему шпагу Вандамма, а плѣнныхъ приказалъ отвести. Sire, un mot encore», сказалъ Вандаммъ, «je prie votre majesté comme grâce de ne pas me rendre aux mains des Autrichiens». Государь съ улыбкою переглянулся съ императоромъ австрійскимъ и согласился на просьбу Вандамма, приказавъ князю Волконскому имѣть о немъ должное попеченіе.

Такъ кончилось достопамятное Бульмское сраженіе, трофеями котораго было 12,000 плѣнныхъ, множество пушекъ, знаменъ и

вдобавокъ самъ главнокомандующій. Дѣло превратилось около часу по полудни.

Вандамма повезли въ Теплицу, но повозка его вѣзжала въ городъ въ самое то время, когда проходили полки союзныхъ армій и должна была у самой заставы остановиться. Бѣшенство Вандамма было ужасное; онъ думалъ, что его выставили на показъ, въ особенности австрійскихъ полковъ, которые, указывая на него пальцами, громко смѣялись и подтрунивали надъ нимъ. Въ это время императору Францу случилось проѣзжать мимо съ своимъ штабомъ. Высунувшись изъ вибитки, Вандаммъ обратился въ нему почти съ угрозою: *«Sire, c'est ainsi que vous traitez un général au service de l'empereur Napoléon, votre proche parent? Je lui ferai connaître vos procédés, prenez garde qu'il ne s'en venge»*. Императоръ австрійскій потеръ себѣ руки и проскакалъ мимо, приговаривая: *«Ce n'est pas ma faute»*.

Вандамма отвезли сначала въ Прагу, гдѣ жители, ненавидѣвшіе его за прежнія жестокости и страшныя контрибуціи во время занятія французами нѣмецкихъ городовъ, приняли маршала весьма враждебно. Народъ сталъ бросать въ него камни, чернь кидалась на повозку, такъ что казацкій конвой насилу могъ его защитить. При этомъ восемь казаковъ было ранено камнями. Впослѣдствіи Вандамма отвезли въ Россію, гдѣ онъ и пробылъ въ Вяткѣ до самаго окончанія войны.

Сообщ. Е. П. Колчаковъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. ТИТОВА.

I.

Малолѣтнее отдѣленіе I-го кадетскаго корпуса

въ 1808 г.

.....Въ началѣ 1808 года отданы были мы съ братомъ Петромъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Предварительно были мы представлены на смотръ къ цесаревичу в. к. Константину Павловичу, жившему въ Мраморномъ дворцѣ.

Когда привезли насъ въ корпусъ, насъ отвели въ лазаретъ, гдѣ насъ раздѣли, осмотрѣли наше тѣлосложеніе, а потомъ